

Воскресный вечер после Рождества

Убирались в доме, например.
Вот, нашли ключи, шнуры, миньоны,
старый удлинитель в шесть ампер,
годный для зарядки телефона,

плюшевых зверей, значки, стишки
на открытках, спереди и сзади,
мусорные новые мешки...
Ох, чего не отыскалось за день.

Сели так на стулья и глядим
на дары, накопленные нами.
Сжечь? Отдать на память молодым?
Присоединить к другому хламу?

Телевизор фоном: та-ба-да.
Песенка звучала унисонно:
«Никому тебя я не отдам...» —
что-то из последнего шансона.

Из окна тц я вижу баки,
школу и заборную дыру.
Бегают голодные собаки
по пустому школьному двору.

На сухой берёзе чаша веток,
то есть просто галочье гнездо.
Что-то есть рождественское в этом,
или так уложено крестом.

А ещё мне видно часть дороги.
То такси проедет, то какой
частник, не выдерживая долгий
праздник и безвыходный покой.

Может, где-то на краю Нью-Йорка
кто-то так же смотрит из окна.
У него одно окно в камерке.
В полной мере улица видна.

Уходя — уходи восвояси.
Возвращаясь, под ноги смотри.
Жизнь — клубок синаптических связей,
озарений, делённых на три.
Поделом говори и по делу.
За душой говори и в душе.
Чтоб летело оно и летело
и крошилось на карандаше.
Чтобы перстни-узлы, что на пальцах
седовласых отцов, матерей,
доставались в наследство, опасность
нищеты отводя от дверей.
Чтобы дней было девять и месяц,
как положено — память и нимб,
и тянулся за юбкой младенец —
тёплым пологом жизни над ним.

держишь руку на плюсе
вычитая грехи
боже не убоюсь я
говоришь говори
и держи на цепочке
сына духом его
протирает ли отче
мировое стекло
что окажется адом
или раем за ним
если встретиться взглядом
с отраженьем своим
двух поверхностей воздух
помогает словам
аз воздám или вóздам
только вам только вам
и поэтому стаи
двух вместилищ хотят
поменяться местами
и навстречу летят